

УДК 930.1 340.5

Мультикультурная среда российского правотворчества XVIII–XIX вв.**Летяев В.А.**

Доктор юридических наук, профессор,
заместитель директора по научной деятельности Института истории
Казанского (Приволжского) федерального университета

В России традиционно складывалось не только мультикультурное общество, но и мультикультурное право. В работе раскрыта взаимосвязь права, как регулятора общественных отношений, с общекультурными процессами, специфика влияния российской мультикультурности на правосознание интеллектуальных элит и на правотворчество в России. Право испытывало в России колоссальные нагрузки и служило важнейшим инструментом стабилизации государства, наряду с иными социальными регуляторами. Это позволяет продвинуться в получении ответа на вопрос: проникновение иносистемных правовых элементов было (де)стабилизирующим фактором в развитии мультикультурного российского права?

Ключевые слова: мультикультурность, мультикультурное право, толерантность, иносистемные правовые влияния, рецепция права.

Мультикультурность – исторически сложившееся свойство российской идентичности, которое обусловлено не только геополитически, но и, прежде всего, ментально. Веками складывавшаяся полиэтничность и многоконфессиональность настраивали население на межкультурную коммуникацию, которая становилась стабилизирующим фактором для жизнеспособности народа, общества и государства.

Стремление к стабильности государственно-го управления стимулировали создание в России правовой системы, основанной на учете социокультурных традиций различных ее регионов (Царства Польского и Остзейского¹, Финляндии, Бессарабии, Черниговской и Полтавской областей). Поэтому в семи присоединенных к Российской империи западных регионах была сохранена юрисдикция традиционно сложившихся в них местных законов. Поясняя такой подход к формированию единого для России имперского законодательства (по существу, как мультикультурного права), М.М. Михайлов писал: «если развитие всего государства шло ровно, если оно сложилось из одинаковых элементов, то здесь не нужны местные законы; если же государство

сложилось через соединение различных народов, из коих каждый имеет свою особую историю, то в развитии этих народов мы усматриваем различие и отсюда является необходимость в местных законах, преимущественно гражданских» [1, с. 4].

В развитие этой тенденции формировалось и общее законодательство, адаптированное ко внутренним губерниям России, не имевшим прежде собственной государственности (включены в состав империи в результате колонизации Сибири). Так, 22 июля 1822 г. был принят Устав о сибирских инородцах, а в 1831 г. подготовлен проект «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Логическим оформлением этой тенденции стало закрепление в Своде законов Российской империи 1832 г. основ общеимперского законодательства. Так, статья 47 Основных законов Свода законов Российской империи гласила: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих», а статья 48 устанавливала,

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14. А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начало XXI вв.)».

¹ Примечательно, для прибалтийских городов, после их завоевания русской армией во время Северной войны, оговаривались вопросы сохранения исповедания и привилегий местных элит.

что законы в империи «действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими определяются в особенных законах, уставах и учреждениях».

Правовая система России оказалась восприимчивой не только к внутренним местным правовым обычаям и законам присоединенных территорий, но и к воздействию правовых культур других стран, прежде всего, к римской правовой культуре, французскому и немецкому праву.

Этим и обусловлено наше внимание к тому, каким образом социокультурные предпочтения формировали отношение российского общества к проникновению иной правовой культуры, какие факторы формировали реакцию интеллектуальной элиты на проникновение на российскую социальную почву непривычных для нее иносистемных правовых институтов и норм.

Учитывая то обстоятельство, что в России традиционно складывалось не только мультикультурное общество, но и мультикультурное право, исследовательский интерес представляет выявление характера связи правового регулятора общественных отношений с общекультурными процессами, специфика влияния российской мультикультурности на правосознание и правотворчество в России. Этот аспект является, в определенной степени, пробелом в научном знании [см.: 2], поскольку именно в контексте мультикультурности России проблема иносистемных влияний на российское право не исследовалась. Однако это позволяет продвинуться в получении ответа на вопрос: проникновение иносистемных правовых элементов было (де)стабилизирующим фактором в развитии мультикультурного российского права?

Следует отметить, что влияние иностранных правовых артефактов отражено в российских правовых источниках еще со времен договоров Олега и Игоря с греками [см.: 3]. При этом самое существенное воздействие на российское законодательство оказало не просто иностранное, а именно римское право. Это происходило не только непосредственно, но и опосредованно (через европейское законодательство, что не умаляло роли самой *alma mater* всего европейского права) [см.: 4].

Рассмотрим подробнее ту мультикультурную среду, которая в России в XVIII–XIX вв. способствовала проникновению и укреплению влияния римского *ratio scripta*. Акцент именно на этом хронологическом периоде российской истории обусловлен тем, что в это время происходила самая знаменитая в истории Российского государства систематизация законодательства. Так, в XVIII в. в российские нормативные правовые акты начинают активно имплементироваться акты западноевропей-

ских государств. На это было обращено внимание еще В.Н. Синюковым [5, с. 119-120]. В качестве примера он приводил Артикулы Воинские, принятые в России 1716 г., Вексельный Устав Петра II, Наказ императрицы Екатерины II.

В первой половине XIX века влияние германских идей (прежде всего, немецкой исторической школы права Ф. Савиньи) на возникающую в России науку усилилось. Это объяснялось схожестью задач, которые стояли перед двумя странами в области создания имперского национального законодательства, а также тем обстоятельством, что в эти годы уже начали посылать российских молодых людей поучиться в немецких университетах. Поэтому идеи, волновавшие германское общество, стали обсуждаться и в России. Так, перед Ф. Савиньи стояла задача подготовить именно немецкий гражданский кодекс, основанный на собственных правовых традициях. Однако, сравнивая римское законодательство с теми условиями, в которых оно формировалось, и какие задачи оно решало, с истоками германского средневекового права, Ф. Савиньи в своей «Системе современного римского права» обнаружил, что истоки средневекового немецкого права восходят именно к римскому праву [см.: 6, с. 217]. Так вывод Ф. Савиньи о том, что для создания эффективного национального законодательства необходимо опереться на римское право, актуализировали увлечение им и в России. А в связи с кодификацией национального законодательства это убеждение стало только возрастать. Идеологически оно было поддержано и теми в России, кому близка была теория «официальной народности». Немецкое влияние на русское общество и науку в России подкреплялось также и увлечением философией Г. Гегеля. Именно тогда И. Киреевский написал, что в середине 40-х гг. в России в среде интеллектуалов все пытались в свою речь вставлять модные философские термины, ссылаться на Гегеля [7, с. 16].

Воздействие иностранной правовой культуры происходило также и благодаря тому, что в науке очень «модным» стало сравнительно-историческое направление в науке, с помощью которого востребованным стал сравнительный анализ источников права. Это привело к тому, что в исследование был вовлечен огромный массив историко-правового материала, ставшего основой для глубоких исторических обобщений, что повлияло на осознание мультикультурных оснований российского права. Не удивительно, что Н.И. Крылов писал как об очевидности о том, что «возникновение и существование права отдельного народа есть не что иное, как одна из сторон в развитии идеи права» [8, с. 8], а Н.Д. Иванишев, активно продвигавший применение сравнительно-исторического метода для изучения славянского права в России, пришел к выводу о том, что «истоки законодательства любого народа могут

быть понятны только, если его рассматривать сравнительно-исторически, в связи с законодательством других одноплеменных народов» [9, с. 5-6].

Многие из российских юристов обучались в те годы на юридических факультетах знаменитых западноевропейских университетов: И. Новгородцев, С. Муромцев, С. и Я. Баршевы, Н. Крылов, И. Платонов, Л. Редкин и другие. Ratio scripta римского права оставалось востребованным в среде интеллектуальной элиты России весь XIX и начало XX в. Исследованию истории римского права были посвящены труды А. Протасова, Л. Цветаева, И. Васильева. А.И. Тургенев в своих письмах отмечал: «Займись... римским правом и вообще юриспруденцией: это очень пригодится в России, где теперь наука эта в большой моде. К тому же она – родная сестра истории» [10, с. 382].

Г. Пухта, объясняя причины востребованности римского права в разных странах Европы, писал, что «римские юристы довели свою юриспруденцию до степени совершенства, вследствие чего они предназначены быть образцом и наставниками всех грядущих времен» [11, с. 315-316]. Поэтому в XIX в., в эпоху самой знаменитой кодификации в истории дореволюционной России, юристам необходимо было опереться на какие-либо общие, теоретические начала, выработать ясный понятийно-категориальный аппарат. И поэтому они стали обращаться к римскому праву. Н.Л. Дювернуа, отмечая роль римского права, как универсальной школы для юристов, писал, что «только от юристов, которые образовывались в такой школе, можно требовать, чтобы они были действительно юристами не по одному только имени» [12, с. 54].

Свод законов Российской империи в значительной степени воспринял не только терминологию, но и институты римского публичного и, особенно, частного права [см.: 13, с. 11, 13]. Благодаря силе своего культурного воздействия римское право поднимало уровень российских законов, правовую науку и образование до признанного европейской наукой. Это стало способствовать появлению в России большого количества переводных и отечественных учебников и монографий по римскому праву [см.: 14].

В России мультикультурная среда создавала особую почву, на которой происходило апробирование различных моделей устройства страны. Толерантность, как свойство характера населения, формировало соответствующую почву для восприятия новых идей, проникавших в Россию по всему периметру ее огромной территории. Важным инструментом институционализации иносистемной идеологии становится право, как важнейший социальный регулятор. Оно испытывало в России колоссальные нагрузки и служило важнейшим инструментом стабилизации государства наряду с иными социальными регуляторами. Иностранные идеи, сформулированные в виде

политико-правовых новшеств, проникали в Россию с момента создания первых государственных образований. Следует отметить, что воздействие элементов иностранных правовых культур было, как правило, востребованным и мирным, даже и в тех случаях, когда иностранные элементы были не совсем близки отечественной правовой культуре. Очень образно об этой тенденции в одной из своих работ высказался всемирно известный русский ученый П.Г. Виноградов: «нет права, которое, при всей тонкости своего анализа и всей широте своих общих представлений, не обнаруживало бы на своей логической поверхности рубцов и швов, свидетельствующих об истинном слиянии в нечто единое доктрин, не могущих быть подведенными под какой-нибудь принцип. И вот диалектическое исследование юридических форм, которое обнаруживает в них противоречия и искусственное соединение совершенно различных понятий, серьезно помогает нам проникнуть в процесс исторического наслаивания идей и фактов, наслаивания, неустранимого при всем стремлении юристов к единству и логике» [15, р. 128].

Литература:

1. Михайлов М.М. Лекции местных гражданских законов. – СПб., 1860. Вып. 1.
2. Прожогина С.В. Мультикультурализм как политика и мультикультурность как исторический феномен // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 156–168.
3. Салогубова Е.В. Влияние римского права на российское гражданское процессуальное законодательство // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 11 (Право). – 1997. – № 2. – С. 29-37.
4. Летяев В.А. Рецепция римского права в России XIX – начала XX вв. (историко-правовой аспект). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – 244 с.
5. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994. – 496 с.
6. Кульчар К. Историзм в юридической науке XX вв. // Критика современной буржуазной теории права. – М., 1969. – С. 209-217.
7. Русское общество 40–50-х годов XIX в. – М., 1991. Ч. 1: Записки Кошелева. – 237 с.
8. Крылов Н.И. Об историческом значении римского права в области наук юридических. – М., 1838. – 321 с.

9. Иванишев Н.Д. Сочинения. – Киев, 1876. – 463 с.
10. Архив братьев Тургеневых, вып. 2. Письма и дневники А.И. Тургенева Геттингенского периода 1803-1804 гг. – Пг., 1921.
11. Пухта Г. История римского права. – М., 1864. – 577 с.
12. Дювернуа Н.Л. Значение римского права для русских юристов. – Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1872. – 25 с.
13. Суханов Е.А., Кофанов Л.Л. О роли изучения и преподавания римского права в России // Древнее право. – М.: Изд-во «Спарк», 1996. – С. 9-14.
14. Щеголев А.В. Библиография русской литературы по римскому праву с 1860 по 1996 гг. // Древнее право. – 1997. – № 2. – С. 137-148.
15. Vinogradoff P.G. Villainage in England. – Oxford: Clarendon Press, 1892. – 464 p.

Multicultural Environment of Russian Law-making in XVIII–XIX centuries

V.A. Letyaev
Kazan (Volga Region) Federal University

Russia has always been characterized by multicultural environment and the formation of multicultural law. The paper substantiates the connection of law as a regulator of public relations with general cultural processes, and the impact of Russian multiculturalism on the legal consciousness of intellectual elite and law-making in Russia. Law in Russia has been under significant pressure and has been an instrument of state stabilization. It allows answering the question if penetration of foreign law elements was (de) stabilizing factor in the development of Russian law.

Key words: multiculturalism, multicultural law, tolerance, foreign law influence, reception of law.

